

Другие книги
серии
«АЗБУКА. ГОЛОСА»

Валерий Шпякин
0,5

Владимир Березин
СНТ

Анна Линская
КАФЕ СМЕРТИ

Екатерина Какурина
МАРКЕТОЛОГ ОТ БОГА

Марина Чуфистова
ЙАЛКА

Александр Касаверде
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ КИТЫ

Владимир Шинкарев
МАКСИМ И ФЕДОР

Владимир Березин
УРАНОТИПИЯ

Сергей Гандлевский
ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА | НРЗБ

Андрей Волос
ОБЛАКА ПЕРЕМЕН

Владимир Березин
СВИДЕТЕЛЬ

Роман Шмараков
КНИГА СКВОРЦОВ

Надежда Лидваль
ДЕНЬ ГОРОДА

Марина Чуфистова
ДЕНЬ, КОГДА БОГА НЕ СТАЛО

Сергей Медведев
ВТОРОЙ

Катерина Гашева
СИСТЕМНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ,
ИЛИ ПЕСНЯ НЕВИННОСТИ,
ОНА ЖЕ — ОПЫТА

Андрей Волос
ЦАРЬ ДАРИАН

Юрий Алаев

ТЕРРИТОРИЯ
ТЮРЬМЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 45

Оформление обложки Ильи Кучмы

Алаев Ю.

А 45 Территория тюрьмы : роман, рассказы / Юрий Алаев. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 480 с. — (Азбука. Голоса).
ISBN 978-5-389-27708-3

В 1952 году маленький Горка с родителями наконец переезжает в отдельное жилье. Квартира — на самом деле сдвоенное стойло в конюшне женского монастыря на окраине Бугульмы. Монастырь переделали в тюрьму, а стойла прилегавшей конюшни — в квартиры. Бугульма становится для Горки прообразом большого мира. Здесь он будет взрослеть, заводить друзей, влюбляться, делать глупости и совершать благородные поступки. «Территория тюрьмы» — именно так называют этот дом сами жители — в действительности становится для ребенка, а затем молодого взрослого местом, где он учится быть по-настоящему свободным. Этот роман — история взросления на фоне важных событий: смерть Сталина, разоблачение культа личности, полет Гагарина в космос, шестидесятиничество. В этой книге удивительным образом сочетается размеренное дыхание большой истории, как в романе «Ложится мгла на старые ступени», и обаяние «пацанской» романтики, как в «Слове пацана».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Ю. П. Алаев, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27708-3

*Моим дочерям Ане и Даше:
сами того не зная,
они помогли мне преодолеть мою лень*

*Особая признательность Шамилю Идиатуллину:
если бы не его морально-волевая поддержка,
эта книга, скорее всего, не увидела бы свет*

ТЕРРИТОРИЯ
 ТЮРЬМЫ

Конюшня

В 1952 году Горкиному отцу, как прилежному коммунисту, дали отдельное жилье. Это было сдвоенное стойло в конюшне женского монастыря на окраине городка под названием Бугульма. Монастырь там был до революции, а после его переделали в тюрьму; стойла прилегавшей конюшни вычистили, прорубили окошки, приделали крыльца. Теперь в этих помещениях селились граждане нового мира. Новоявленному дому о девяти квартирах присвоили № 2 по улице Казанской, но так его не называли даже почтальоны, — место было известно как «территория тюрьмы»: от увитых колючей проволокой стен бывшего монастыря конюшню отделяли каких-то пара десятков метров. При желании в укоренившемся названии можно было усмотреть некий символизм, но местным ничего такого не приходило в голову, — территория и территория. Тем более что и сам город в предуральской лесостепи возник из воинской заставы на каторжном Сибирском тракте. Как считают образованные горожане, отсюда произошло и название: в переводе с татарского «бэгелма» значило «не сгибайся»; якобы этим возгласом местные жители подбадривали бредущих мимо кандалных, поднося им хлеб и воду.

Квартира, доставшаяся Горкиной семье, была хорошей. Предыдущие хозяева сложили здесь доб-

ротную русскую печь, выгородили кухоньку, стены оклеили дешевенькими, но свежими обоями. Вдобавок в квартире имелись просторные сени, которые в теплое время года легко превращались в летнюю кухню, и вместительный чулан. Мать с отцом в один заезд на полуторке перетащили из угловой комнатенки, которую они снимали в доме отца брата (мать упорно называла ее хлевом), весь свой скарб. Отец уехал на работу, а мать принялась осматриваться, соображая, с чего начать обустройство.

Первое, что она сделала, — укрепила в простенке между окнами наклонное зеркало. И встала перед ним, оглядывая себя и оглаживая на бедрах веселенькое крепдешиновое платье. Тридцатидвухлетняя крепко сбитая женщина, способная и коня, и в избу, отрубившая три года на войне, не чаявшая дожидаться иной, чем в казарме или коммуналке, жизни, наконец стала хозяйкой чего-то своего — отдельной квартиры. Так! — пристукнула она каблучком по бурому от въевшейся грязи полу и пошла к колонке за водой — отскабливать-отмывать.

Зеркало

Для своих трех с небольшим Горка был весьмамышленым мальчишкой. Он, например, понимал, что его мама — красивая, она ему нравилась, хоть была строга, и он также понимал, что мама себе тоже нравится, и то, что она первым делом повесила зеркало, — правильно и хорошо. Правда, Горка не сразу сообразил, зачем надо было крепить верхнюю часть зеркала с отступом от стены, но сообразил-таки: при относительно маленьком размере оно, наклонное, позволяло даже взрослому человеку видеть себя в полный рост. А вскоре Горка открыл и другое свойство этого зеркала: если подойти к нему сбоку, можно увидеть ту часть квартиры, которая была с другого края.

Обнаружив это явление, Горка взял за правило каждое утро совершать обход зеркала, точнее — обеденного стола, который поставили к стенке под ним, и рассматривать жилище. Почему-то так оно выглядело ярче и объемнее, чем на самом деле. Слева в зеркале был виден угол казавшейся огромной белой печи, а следом — трехстворчатый шифоньер (там на средней створке тоже должно было быть зеркало, но мать решила сэкономить при покупке). За ним — вход в кухню, где, помимо крашенного зеленым серванта и стола с табуретками, стояла мамина кровать; а если подойти к зеркалу с другой стороны, то справа были видны две

кровати — отца и Горки, — их расположили вдоль стены, под коврами (отцовский — с оленем, Горкин — с парой лебедей на лесном озере). А выход в сени был невидим под углом, тут надо было встать прямо перед зеркалом. Но тогда перед Горкой возникал бледный мальчик с темными кругами под глазами, и этот вид его пугал. Он и это уже понимал: с ним что-то не так.

Круги под глазами были следствием ночных кошмаров, когда он просыпался оттого, что кровать под ним начинала раскачиваться и кружиться, а следом раскачивались в полутьме стены и потолок; Горка кричал, захлебываясь слезами, мать соскакивала с кровати, отпаивала его, потом ложилась к нему в постель, укрывая собой от напастей, и Горка засыпал. До следующего кошмара через день или два.

Интересно, что при всей своей анемичности Горка был не дурак поесть, но мать кормила его в основном кашками, супчиками, гоголями-моголями, он ел все это через силу и ждал, когда у отца будет аванс, а через две недели — и получка, как это родители называли. В такие дни к ним приходили гости, отцовы сослуживцы, и тогда мать меняла клеенку на льняную скатерть и зеркало отражало тарелки и миски с солеными груздями, огурцами, квашеной капустой, докторской колбасой и селедкой, чугунки с кусками тушеной свинины и — отдельно — с исходившей паром вареной картошкой. И кувшин бражки, и пара бутылок «белоголовой» тоже непременно отражались в зеркале, куда же без них. Такой фламандский натюрморт а-ля рюс в темно-коричневой раме, оживленный гаммой сытных пряных запахов и звяканьем посуды и рюмок, когда мужчины — большие, как шкафы, красномордые — чокались, выпивая за общее здоровье. Горке тоже наливали — клюквенного

морса или кваса в маленькую граненую рюмку на ножке, и гости поощрительно смеялись, когда он залихватски опрокидывал ее и с серьезным видом принимался закусывать, хрустя капустой и руками раздергивая на волокна мясо.

Горка усвоил, что к отцу в гости приходили однопольчане, все где-то там воевали с «фрицами» и часто вспоминали, удивляясь и радуясь, как удалось остаться в живых. Еще говорили о каких-то колорадских жуках, которых с самолетов разбрасывают над нашими полями американцы и которые потом «жрут картошку» (услышав об этом в первый раз, Горка опасливо посмотрел на чугунок), о дусте (ДДТ, поправлял кто-то), которым надо посыпать всходы, чтобы уберечься от жуков, о каких-то «студерах», которые американцы погрузили на корабли, вывезли в море и затопили, только чтобы нам не остались (много позже, повзрослев, Горка узнал, что имелись в виду «студебекеры», поставлявшиеся во время войны из США по ленд-лизу), — о разном разговаривали, но все равно как-то все сворачивало на войну — на прошедшую и, кажется, на будущую.

Однажды из разговора выплыла фамилия Жуков, — мол, вот как без него? — и все посерьезнели, а потом один произнес сокрушенно: «Он же прям в ложу к Самому спустился по трубе! И говорит: „Товарищ Сталин, как же?!“ А тот...» Что «тот», осталось невыясненным, потому что тут в разговор вмешалась мать, сказав негромко, но внятно: «Заткнись, Паша». И все замолчали, ковыряясь в тарелках.

Вообще, мать с трудом переносила все эти посиделки. Горка чувствовал: она не уважает отцовых дружков (пятюк лет спустя он понял, что она и отца не уважает). «Фронтовики, — фыркала она, выговаривая отцу на следующее утро, — однополь-

чане! Какие они тебе однополчане, кто где воевал? Яйца Рузвельта в обозах уминали, — (это Горка понимал, речь шла о яичном порошке, опять американском), — теперь к тебе присосались, а ты и рад перед ними куражиться! Солдат с раной!» Последнее определение звучало поглубже, обиднее, отец багровел, но сдерживался. Может, потому, что понимал — жена кое в чем права, — фронтовиками в те годы норовили записаться все, а уж как там и где кто был на самом деле — не в застоях проверялось. Да и рана отцовская, о которой он, подпив, не уставал рассказывать, была, конечно, предметом подшучиваний. «Такой чирьяк вскочил на шее, — говорил отец, — вот с Горкин кулак, наверное, — голову не повернуть! Температура поднялась, аж мотает всего, а тут „фокке-вульф“ эти налетели, гвоздят почем зря, и — жжик, потекло у меня под воротник. И так легко стало — ни температуры, ничего. Сел, — думаю, капец, артерию пробило. А это гной был! Чирей!» Гости понимающе кивали, посмеиваясь, но и завидуя: надо же, за всю войну один раз чикнуло, и то по чирью!

Мать слушала эти рассказы, горестно поджав губы: муж всю войну прослужил наводчиком расчета зенитного орудия, не тыловик, конечно, но все же чуть в стороне от пекла, а она успела побывать в нем самом — горела в Ил-4 в воздухе (экипаж чудом посадил бомбардировщик на своей территории), полгода провалялась в госпитале, борясь со слепотой, была списана из бортмехаников в наземные механики по вооружениям, цепляла 250-килограммовые бомбы... А тут осколком чирей срезало, и разговоров на всю жизнь!

Тем не менее она старалась быть правильной женой, знать, как говорится, свое место и безропотно стряпала к приходу гостей, ухаживала за

ними, следя, чтобы тарелки были у всех полны и вовремя поменяны, подливала напитки...

Все оборвалось в один субботний вечер, когда в компании появился новенький (командированный, скупно пояснил отец, из главка) — сухощавый, среднего роста мужичонка с жидкими, зачесанными на прямой пробор волосами. Заявившись, он первым делом сунулся целовать матери руку. Горка в изумлении раскрыл рот, а мать, выдернув руку, проговорила невесть откуда взявшимся ледяным тоном: «Товарищ из господ? Должен знать тогда, что к руке склоняются, а не тянут к губам, как стакан». Эта сцена вызвала в компании секундное замешательство, но гость быстро нашелся, с улыбочкой прочастив что-то извиняющееся насчет «хондроза», и уселся в торце стола, рекомендуясь направо и налево: «Пегенякин, вот, к Прохору Семеновичу с дружеской ревизией, Пегенякин, рад». По такому поводу первую выпили за нового знакомого, затеялся общий разговор, мало-помалу все оживились, расслабились, но Горка чувствовал, что мать непривычно напряжена и старается не смотреть в сторону этого Пегенякина.

Первый раз заискрило, когда Пегенякин, подпивший уже до развязности, улучил момент и елейно спросил мать: «Вот вы культурные, я вижу, с Прошей, а пиджак некуда повесить, напольных плечиков нет разве у вас?» Мать не нашлась что ответить, вспыхнула и выскочила в сени, загромыхав там ведрами, а отец принял у гостя пиджак и аккуратно повесил на спинку стула, заметив с улыбкой: «Ничего, и тут не помнется». И опять все вроде успокоились, продолжили про свое. А потом разговор свернул на то, кто где квартировал в Германии после победы, перед отправкой домой, и Пегенякин принялся рассказывать про

какую-то немку, все больше вдаваясь в подробности. «Ну, я ей завернул как след, — воодушевляясь до блеска в глазах, говорил Пегенякин, — а она руками плещет и — „бितте, битте“, а больше и слов у нее нет!» Он засмеялся было, но тут что-то свистнуло в воздухе и с грохотом рухнуло за зеркало. Все онемели, глядя на Горкину мать, которая, тяжело дыша, стояла за спиной пригнувшегося к столу Пегенякина с черенком ухвата в руках. Горка перевел взгляд с нее на зеркало и с ужасом увидел, как оно прямо на глазах принялось чернеть, ничего уже не отражая.

...Из обморока его вывели, дав понюхать уксуса. Гостей уже не было, Горка лежал в постели и смотрел, как отец пытается приладить ухват к черенку и бурчит в сторону жены: «А ты — „закрепи гвоздем“ да „закрепи“, закрепил бы, так ты башку бы человеку снесла». Тут до Горки дошло, что же это свистнуло в воздухе и улетело за зеркало: ухват слетел, когда мать замахнулась. Горка попытался представить, как он летел, но так и не понял. И уснул. Утром он пошел к зеркалу с опаской, но все было нормально: оно отражало их жилище, как обычно.

Отец

Прохор Семенович Вершков служил директором Горпромкомбината, который и приехал ревизовать Пегенякин, то есть был, что называется, не последним в городе человеком, и слухи о скандале быстро разнеслись по Бугульме, как и то, что ревизор нашел больше, чем мог бы; стали даже поговаривать, что недолго Вершкову осталось директорствовать, а как бы и не посадили. Сами собой сошли на нет многолюдные застолья в его квартире, круг друзей сузился до того, что им хватало на «посидеть» кабинета в местном ресторане. Но Вершков к своим пятидесяти успел повоевать в Гражданскую, вступить в партию, худо-бедно не только школу окончил, но и кооперативный техникум, да так, что его оставили преподавать, а перед самой войной дослужился до назначения начальником швейного цеха Горпромкомбината, в одночасье выросшего на завершающем этапе индустриализации из артели «Кустарь». К тому времени он был уже дважды женат, имел от второй жены трех дочерей, жил у нее примаком... Повидал, короче, всякого, так что к несложившемуся визиту ревизора отнесся стоически и даже загордился про себя, поняв, что после случившегося жене его в городе зауважали по-особому.

На Отечественную войну Прохор попал при не вполне ясных обстоятельствах: тридцать девять

лет, какой-никакой, а начальник, номенклатура, дети на руках — не должны были призывать, но в октябре 42-го он как-то внезапно собрался, поцеловал в лоб суженую, хмыкнув неизвестно чему, потискал задумчиво старших дочерей, посмотрел на валявшуюся в люльке младшенькую и уехал на попутке в Куйбышев, на сборный пункт. Бывшего в ладах с математикой, Прохора Семеновича определили, как вскоре узнала многочисленная родня, в наводчики зенитного орудия, при нем он и прослужил до Победы, заставшей их батарею под Кенигсбергом.

Вернулся Прохор в Бугульму с орденом Красного Знамени (самым «мутным» по статусу и причинам для награждения из советских орденов), пятком медалей «за освобождение» и «за взятие», а также и «За отвагу» и кое-каким скарбом. Точнее, бо́льшая часть скарба уже была дома у старшего брата Василия: в 45-м воинам армии-победительницы официально было разрешено отправлять домой посылки из «заимствованного» у бюргеров добра; рядовым — до пяти килограммов в месяц, офицерам — до десяти, а генералам, поговаривали, и вообще без меры. Сержант Вершков натаскал немного: патефон, кофр с пластинками, комплект льняных салфеток с надписями по краям красным по белому «Tischtuch» (то ли «платок на стол», то ли «тряпка для стола», понимай как хочешь), двухкомфорочный керогаз с асбестовыми фильтрами, длинное кожаное пальто, габардиновый плащ и отрез тонкого сукна.

Трофеи эти оказались у брата потому, что под новый, 1945 год Прохор Семенович оказался вдовцом: жена скончалась от заражения крови. Что за заражение, откуда — никто и не разобрался толком, мало ли людей умирало в войну. Детей Ва-

силией с женой приютили, конечно, но когда Прохор вернулся в Бугульму, к «октябрьским», то тут же возник вопрос о хозяйке: куда отцу-одиночке с тремя дочерьми?

Стали с родней присматривать, и выбор пал на статную шатенку Наталью, служившую кассиршей в местном «Заготзерне». Прохора она привлекла контрастом между темной «мастью» и холодным огнем голубых глаз, а также набором трофейных кокетливых шляпок и вуалей, которые Наталья надевала на танцы в городском ДК и смотревшихся на ней не хуже, чем на Любви Орловой. Деловитой жене Василия Луше Наталья понравилась тем, что была круглой сиротой. «За ней никто не встанет, а она за тебя, если возьмешь в жены, живот положит, — припечатала как-то за ужином Лукерья и добавила: — И к труду сызмальства привычная, что тебе тягловая лошадь». Последний аргумент диссонировал, конечно, с образом Любви Орловой, но произвел на Прохора впечатление. Наутро он запряг служебный тарантас и поехал в «Заготзерно» делать предложение.

Тут надо пояснить, что, демобилизовавшись, Прохор Семенович времени не терял: чуть ли не в день приезда явился в горком партии, доложил, встал на учет и после короткого разговора с «первым» получил направление на руководящую работу — в тот же Горпромкомбинат, только уже начальником не швейного цеха, а всего предприятия, в котором были еще кирпичный и столярный цеха, шорная и сапожная мастерские, а также парк гужевого транспорта, состоявший из десятка лошадей, телег и начальственного тарантаса на резиновом ходу и с рессорами от «опель-капитана». Это наследство досталось Вершкову от предшественника с неприличной фамилией Бляден-

ков, внезапно уехавшего куда-то на Украину. Так что Прохор Семенович в самом деле был не последним в городе человеком и завидным женихом, чего экс-бортмеханик Таманского бомбардировочного гвардейского полка, а теперь просто кассир в затрапезной конторе Наталья Абрамова не могла не оценить. И оценила, утихомирив свою гордыню.

Пожились они в первых числах марта 47-го года, очень скромно, по-деловому можно сказать: днем расписались в ЗАГСе, а вечером отметили событие в пятистенке Василия на окраине Бугульмы.

Из гостей, помимо Василия с Лукерьей и двух их сыновей, были только свидетели брака: горпромкомбинатовский закройщик Лева Гируцкий, сосредоточенный еврей лет сорока с небольшим, и курчанка Клава, кладовщица конторы «Заготзерно». «Горько» не кричали (Прохор Семенович строго наказал обойтись «без детства» еще до того, как сели за стол), а песни, захмелев, пели, конечно, — и «Шумел камыш», и «Мороз, мороз»... Лева, хлебнув как следует браги, грянул было «Артиллеристам Сталин дал приказ», но был остановлен внезапной репликой Натальи: «Орел! Любишь начальникам лизать?» Она, надо думать, имела в виду, что Прохор Семенович был артиллеристом, но сказалось как-то не так, и над столом повисла тишина. На Наталью при этом не смотрели, смотрели на Леву. Он постоял, опустив голову, потом встряхнулся, взял стакан и предложил, усмехнувшись виновато: «Ну, тогда за молодую! Счастья тебе, Наталья!» Зашумели, задвигались, чокаясь, старший сын Василия, тоже Вася, кинулся заводить патефон для танцев, но воздух из застолья вышел, и вскоре свадьбу свернули.

Глубокой ночью, намесившись с женой под ватным одеялом, Прохор Семенович осторожно спросил, обтираясь простыней: «Наташка, а ты не троцкистка, случаем?» — «Идиот, — хрипло откликнулась Наталья, укладываясь лицом к стене, — ты лучше думай, где мы жить будем». Ну, он и надумал — в стойле. Правда, пришлось подождать, походить по кабинетам, и получил он жилье чуть ли не как награду к пятидесятилетнему юбилею.

Бычья кровь

Горку Наталья родила в двадцать девять, по тем временам поздно, и мальчик принялся умирать, едва родившись. Неизвестно, что тут случилось — возраст матери, скудное питание, а скорее всего — трагедия, случившаяся в их семье, когда Наталья уже была на сносях: внезапно и необъяснимо умер ее первенец, полуторагодовалый Валерка, — сгорел за сутки, заходясь в крике и хрипах. Наталья слегла с сильнейшим нервным потрясением и родила Горку на девятый день после смерти его старшего брата.

Роды проходили тяжело, у нее почти не было сил (а может, желания) исторгнуть на свет божий еще одного ребенка, но пацан вылез в итоге и вполне себе ничего — под четыре двести весом и пятьдесят три сантиметра в длину. Вопреки опасениям врачей, у Горкиной матери не пропало молоко, и когда он первый раз вцепился губами в материнский сосок, она вздохнула глубоко, тайком перекрестилась и решила, что надо жить дальше.

Однако спустя два месяца молоко иссякло, ребенка перевели на искусственное вскармливание, начались запоры, стал стремительно развиваться рахит, Горка исхудал, а в годик с небольшим у него случилось двустороннее воспаление легких.

Наталья буквально обезумела. Лежа с Горкой в больнице и ловя хмурые взгляды врачей и мед-

ЮРИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ АЛАЕВ
ТЕРРИТОРИЯ ТЮРЬМЫ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.06.2025.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 22,35. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательства АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-36717-01-R